

Научная статья

УДК 398.224:811.512.157'282

DOI 10.25587/2782-4861-2025-4-190-200

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНДИГИРСКОГО ГОВОРА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ГРУППЫ ГОВОРОВ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА (на материале олонхо Д. М. Слепцова «Кётёр Мюлгюн»)

Ф. С. Андросова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

e-mail: afs.77@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию диалектных особенностей индигирского говора северо-восточной группы говоров якутского языка. Учитывая, что диалектный материал представляет собой хранилище информации об истории языка, миграции и языковых контактах определенного народа, перед лингвистами стоит задача его изучения и сохранения. Одним из источников уникального диалектного материала по якутскому языку являются тексты олонхо представителей различных школ сказителей Якутии, которые до сегодняшнего дня практически не выступали объектом специального изучения. Материалом исследования послужил текст олонхо известного момского сказителя Д. М. Слепцова «Кётёр Мюлгюн» («Көтөр Мүлгүн»). Для изучения языковых особенностей говора в качестве основного метода исследования применен сопоставительный метод, позволяющий сопоставить фонетические, грамматические и лексические различия.

В области вокализма фонетические особенности индигирского говора связаны с явлением акания; чередованием дифтонгов с долгими гласными в конце двухсложных, трехсложных именных и глагольных основ; в области диалектного консонантизма – чередованием *б-м*; *г-к*; *г-ң*; *б-һ*; *дь-нь*; *р-л*; *һ-с*; *т-д*; *т-к*; *с*, *т-ч*. Для говора характерны явления геминии, возникающей в результате регрессивной ассимиляции, и палатализации; отмечены случаи выпадения согласных в начале слова.

Одной из характерных грамматических особенностей северо-восточной группы говоров якутского языка являются архаичная форма с двойным аффиксом множественности; употребление аффиксов *-чаа* *-чаан*; сложных слов, которые образованы путем стяжения. Что касается глаголов, то в говоре широко встречаются стяженные формы глаголов в преждепрошедшем и прошедшем результативном временах; стяженные формы функционально-служебных глаголов *биэр-*, *кэбис-*; опущение аффиксов *-ылын-*, *-ын-*, *-ун-* в середине глаголов. Интересным является использование в индигирском говоре второй формы условного наклонения, образуемого с помощью причастия на *-тах*, в значении прошедшего времени повествовательного наклонения.

В области лексических особенностей были выявлены диалектные слова по пяти группам диалектных слов: слова, неизвестные в якутском литературном языке в данном значении; диалектные слова, заимствованные из русского языка; слова, заимствованные из языков северных народностей; слова-архаизмы в говоре; семантические диалектные слова.

Исследование диалектов якутского языка на материале олонхо сказителей различных школ представляется перспективным направлением и внесет определенный вклад в изучение богатого диалектного материала.

Ключевые слова: якутский язык; олонхо; сказитель; индигирский говор; северо-восточная группа говоров; диалект; языковые контакты; фонетические особенности; грамматические особенности; лексические особенности

Финансирование: Статья подготовлена в рамках реализации проекта, поддержанного Российским научным фондом, «Языки и культуры народов Севера и Арктики Российской Федерации: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» (Соглашение №25-78-30006 от 22.05.2025 г.)

Для цитирования: Андросова Ф. С. Некоторые особенности индигирского говора северо-восточной группы говоров якутского языка (на материале олонхо Д.М. Слепцова «Кётёр Мюлгун»). *Эпосоведение*. 2025;4(40):190–200. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-4-190-200>.

Original article

Some features of the Indigir dialect in the northeastern group of Yakut dialects: the case of the D.M. Sleptsov`s olonkho “The Flying Mulgun”

Fekla S. Androsova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

e-mail: afs.77@mail.ru

Abstract. This study examines dialectal features of the Indigir dialect within the northeastern group of Yakut language dialects. Dialectal materials serve as unique repositories of linguistic history, migration patterns, and language contact, thereby necessitating thorough documentation and analysis. The texts of Olonkho, traditional heroic epic narratives from various Yakut storyteller schools, represent a valuable but underexplored source of such dialectal data. This research focuses on the Olonkho text “The Flying Mulgun” (Kētēr Mulgun) by the renowned Moma storyteller D.M. Sleptsov. Employing a comparative method, the study analyses phonetic, grammatical, and lexical distinctions of the Indigir dialect.

Phonetically, the dialect is characterized by *akanye* (vowel reduction), alternations between diphthongs and long vowels in final syllables of disyllabic and trisyllabic nominal and verbal stems, and consonantal alternations including *b-m*; *g-k*; *g-ŋ*; *ŋ-h*; *ɖ-nʲ*; *r-l*; *h-s*; *t-d*; *t-k*; *s*, *t-ch*. Features such as regressive assimilation-induced gemination, palatalization, and initial consonant elision were also observed.

Grammatically, archaic forms with double plural suffixes are prominent, as well as the use of suffixes *-chcha* and *-chaan*. Compound words formed through contraction appear frequently. Verb forms exhibit contracted structures in the former-past and past resultative tenses, contracted functional auxiliary verbs *biēr-* and *kēbis-*, and omission of infixes *-ylyn-*, *-yn-*, and *-un-* within verb stems. Notably, the dialect employs a second conditional mood form, constructed with a participial suffix *-tah*, to express the past indicative.

A lexical analysis yielded five categories of dialectisms: words absent in standard Yakut with the given meanings; loanwords from Russian; borrowings from northern indigenous languages; archaic forms; and semantic dialectisms.

This study demonstrates the potential of Olonkho texts from diverse storyteller traditions as valuable resources for the preservation and analysis of Yakut dialects.

Keywords: Yakut language; Olonkho; olonkho-teller; Indigir dialect; northeastern dialect group; dialect; language contact; phonetic features; grammatical features; lexical features

Funding: This research was conducted within the framework of the Russian Science Foundation project No. 25-78-30006, “Languages and Cultures of the Indigenous Peoples of the North and Arctic of the Russian Federation: Interdisciplinary Sociocultural Research (Based on Big Data Analysis)”

For citation: Androsova, F. S. Some features of the Indigir dialect in the Northeastern group of Yakut dialects (based on the olonkho of D.M. Sleptsov “The Flying Mulgun”). *Eposovedenie*. 2025;4(40):190–200 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-4-190-200>.

Введение

Первостепенная задача лингвистов сегодня заключается в изучении и сохранении языкового многообразия, в т. ч. диалектного. Диалектная лексика представляет собой не простое искажение форм литературного языка, но выступает хранилищем информации об истории языка,

миграции, языковых контактах определенных народов. Одним из источников уникального диалектного материала по якутскому языку являются тексты олонхо представителей различных школ сказителей Якутии, которые до сегодняшнего дня практически не выступали объектом специального изучения. Передаваясь из поколения в поколение, в тексте олонхо сохранены те языковые формы, которые могли быть утрачены в более поздних письменных источниках.

Первые упоминания о расхождениях в якутском языке отмечены еще О. Н. Бётлингом [1], зафиксированы в трудах И. А. Худякова [2], С. В. Ястремского [3]. Особое внимание диалектной лексике уделял основатель якутской литературы А. Е. Кулаковский [цит. по 4], собиравший по районам республики местные слова. Свой вклад в изучение внес и Г. В. Ксенофонтов [5] – автор первой печатной работы по диалектной лексике «Словарь особенных слов (провинциализмов) в говоре якутов-оленеводов». Материалы, отраженные в этих трудах, в последствии в дополненном виде вошли в состав «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского [6].

Начало планомерного изучения диалектов в якутском языке исследователи датируют 30–40 гг. прошлого столетия – с момента создания Научно-исследовательского института языка и литературы ЯФ СО АН СССР (ИЯЛИ СО АН СССР). Именно тогда началось проведение первых диалектологических экспедиций. Весь обширный материал, собранный еще с дореволюционного периода, включая словари, тексты на якутском языке, до материалов специальных диалектологических, фольклорно-диалектологических экспедиций, стал основой для издания первого (основного) тома «Диалектного словаря якутского языка», содержащего 8500 словарных единиц [7; 8; 9]. Изучению диалектов якутского языка посвящены труды М. С. Воронкина [10], Н. И. Даниловой [11], С. А. Иванова [7; 8], Е. И. Коркиной [9], Н. В. Малышевой [12, 13], А. Е. Шамаевой [14] и др. Богатый диалектный материал на материале олонхо исследуется в работах Е. Р. Николаева [15], Н. В. Турантаевой и Н. В. Малышевой [16].

Цель настоящей работы заключается в выявлении диалектных особенностей индигирского говора северо-восточной группы говоров якутского языка на материале текста олонхо Д. М. Слепцова «Кётёр Мюлгюн» («Көтөр Мүлгүн»). Для достижения цели исследования были определены следующие задачи: определение диалектного состава анализируемого олонхо; описание его фонетических особенностей; изучение грамматических особенностей текста олонхо; анализ лексического материала олонхо.

Объектом исследования выступает индигирский говор, предметом – его фонетические, грамматические, лексические особенности. Материалом исследования послужил текст олонхо известного момского сказителя Д. М. Слепцова «Кётёр Мюлгюн» (букв. «Летающий Мюлгюн») [17], записанный сельскими учителями по просьбе фольклориста С. И. Боло в 40-х гг. прошлого столетия. По признанию самого фольклориста, олонхо отличается ярким сюжетом и богатым лексическим материалом [18]. Более того, данный текст практически не выступал объектом научного изучения, что актуализирует наше исследование. При проведении исследования были использованы следующие основные источники: Словарь якутского языка [6]; Северо-восточная диалектная зона якутского языка [9]; Диалектологический словарь якутского языка [19]; Большой толковый словарь якутского языка [20]; Грамматика современного якутского литературного языка [21].

В настоящей работе для изучения языковых особенностей индигирского говора в качестве основных методов исследования применены описательный метод, обобщающий и систематизирующий выявленные языковые данные; сопоставительный метод, позволяющий сопоставить фонетические, грамматические и лексические отличия говора с литературным языком; метод грамматического анализа для изучения особенностей грамматических форм олонхо.

Фонетические особенности

В области вокализма одной из фонетических особенностей не только индигирского говора, но в целом северо-восточной группы говоров, является **аканье** – употребление неогубленного варианта «произношения гласных в основах вместо огубленного варианта в литературном

языке» [9, с. 126]. Например, **а** вместо **о**: *аабый орус* [17, с. 85] (ср. *ообуй* ‘паук’); *адыылааң* [17, с. 90] (ср. *оодуулаа* ‘пристально смотреть’); *алыс* [17, с. 51; 60] (ср. *олус* ‘слишком’); *барык-сүрүк* [17, с. 65] (ср. *борук-сорук* ‘полутемный свет’); *арык* [17, с. 93] (*орук* ‘нездоровый, хилый’); *дайды* [17, с. 14; 20; 42; 43; 45; 46; 49 и др.] (ср. *дойду* ‘мир, страна’); *халарыктаабыт* [17, с. 30], *халарыктыы* [17, с. 97] (ср. *холоруктаа* ‘кружиться вихрем’); *хатыай* [17, с. 15] (ср. *хотуой* ‘девка, девчонка’); *хатыныам* [17, с. 116] (ср. *хотун* ‘госпожа’); *хамыйабын* [17, с. 116] (ср. *хомуй* ‘убираться, прибираться’); *хамыскытын* [17, с. 106] (ср. *хомус* ‘хомус, варган’); *харгыян* [17, с. 116] (ср. *хоргуй* ‘испытывать голод’); *чаарыас* [17, с. 54], *чаарыаска* [17, с. 78] (ср. *чооруос* ‘небольшая птица семейства вьюрковых’). В следующих примерах представлен вариант аканья, когда нелабиализованные гласные **э** и **ы** заменяют огубленные **ө** и **у**: *дьэһиэльдьит* [17, с. 111] (ср. *дьөһүөлдүт* ‘слуга, служитель’); *мэлийиэнинэн* [17, с. 23] (ср. *мөлүйүөн* ‘миллион’); *тэҕил* [17, с. 43] (ср. *төгүл* ‘раз, при указании однородных повторяющихся действий’); *дылба* [17, с. 60] (ср. *дүлба* ‘кочка’); *тымыстаабыт* [17, с. 46] (ср. *тумустаа* ‘выдаваться мысом’).

В тексте олонхо можно встретить примеры употребления широкой гласной **э** вместо узких **ы**, **и**, например, в глаголе *гын* ‘делать что-л.’, выполняющем функции служебного глагола в составных глаголах широкого спектра значений: *сүтээри гэннэ* [17, с. 116] (ср. *сүтээри гынна* ‘собирается исчезнуть, исчезнет’); *өлөөрү гэннэ* [17, с. 118] (ср. *өлөөрү гынна* ‘собирается умирать, умрет’); *үнүйээри гэммикин* [17, с. 83] (ср. *өңөйөөрү гыммыккын* ‘заглянешь’); *кэннэки* [17, с. 19] (ср. *кэнники* ‘позднее, последний’). Вместе с тем, в некоторых случаях наблюдается использование, наоборот, узкой гласной вместо широкой: *купта* [17, с. 60] (ср. *хопто* ‘чайка’); *үнүйээри* [17, с. 83] (ср. *өңөй* ‘заглянуть’). Выделим также лексему, в которой вместо неогубленного звука стоит огубленный, примененный скорее для гармоничной звуковой формы строки: *Биир толугурдаах томуйабы* [17, с. 61] ‘Одного болезненного теленка’ [здесь и далее – перевод наш] (ср. *тамыйах* ‘теленка’ [17, с. 197]).

В анализируемом тексте широко употребляется **чередование дифтонгов с долгими гласными** в конце двухсложных, трехсложных глагольных основ:

1) **үө** > **өө**: *өйдүөмүнэ* [17, с. 107], *өйдүөн* [17, с. 116] (ср. *өйдөө* ‘помнить, запомнить’); *өйүөн* [17, с. 54] (ср. *өйөө* ‘поддерживать’); *өңнүөтүлэр* [17, с. 87] (ср. *өңнөө* ‘окрашивать в цвет’); *төрүүбүтүн* [17, с. 15], *төрүүн* [17, с. 39; 45; 46] (ср. *төрөө* ‘рожать, родиться’); *төлүүтүм* [17, с. 55] (ср. *төлөө* ‘возвращать, платить’);

2) **үө** > **ээ**: *көбүрүүбүт* [17, с. 36] (ср. *көбүрээ* ‘уменьшаться в числе, весе’); *үктүөн* [17, с. 15], *үктүөтэ* [17, с. 52] (ср. *үктээ* ‘наступать на что-л.’);

3) **иэ** > **ээ**: *ирдиэбэккэ* [17, с. 66], *ирдиэн* [17, с. 78], *ирдиэтилэр* [17, с. 87] (ср. *ирдээ* ‘тщательно искать’); *кэтиэччилэрим* [17, с. 69] (ср. *кэтээ* ‘поджидать’); *синьньиэтиң* [17, с. 39] (ср. *синньээ* ‘становиться тонким’); *тиниктиэн* [17, с. 55] (ср. *тиниктээ* ‘обглодать мясо с костей’);

4) **үө** > **оо**: *тохтуобат* [17, с. 53] (ср. *тохтоо* ‘прекратить’); *холуобут* [17, с. 76] (ср. *холоо* ‘сравнивать’);

5) **ыа** > **аа**: *уҕарыата* [17, с. 39] (ср. *уҕараа* ‘уменьшиться’).

Употребление дифтонгов вместо гласных наблюдается и в двух-, трехсложных основах имен существительных: *сыңаабын* [17, с. 40] (ср. *сыңаах* ‘челюсть’); *табахыт* [17, с. 65; 110] (ср. *табахыт* ‘курильщик’); *уллуңуобунан* [17, с. 121] (ср. *уллуңах* ‘стопа’).

Интересно, что по результатам экспедиций, проведенных ИЯЛИ СО АН СССР, использование долгих гласных вместо дифтонга практически не были замечены: «дифтонги вместо долгих гласных в индигирском говоре выступают в несколько ослабленной степени» [9, с. 128]. Однако в тексте олонхо встречается, напротив, употребление долгих гласных вместо дифтонгов в литературном варианте: *остооллааба* [17, с. 17] (ср. *остуол* ‘стол’); *буулунай* [17, с. 24] (ср. *буолунай* ‘очень много’); *бууулаах* [17, с. 121] (ср. *буууо* ‘дым’).

Что касается **диалектного консонантизма**, то в тексте наблюдается характерное для индигирского говора использование как в начале, так и в середине слов:

1) губно-губного смычного **б** вместо губно-губного смычного носового **м**: *иимир* [17, с. 78] (ср. *ибир* ‘препятствие’); *мэйэм сизэм* [17, с. 68] (ср. *бэйэм* ‘сам’); *обуннаахтык-уохтаахтык* [17, с. 113] (ср. *омуннаах* ‘преувеличенный’); *саабы кымыс* [17, с. 23] (ср. *саамал* ‘лучшего качества кумыс’); *убайа* (ср. *умай* ‘гореть’); *уөбэн* [17, с. 45] (ср. *уөмп* ‘подкрадываться’);

2) звонкого заднеязычного **г** вместо глухого заднеязычного **к**: *гытта* [17, с. 14; 30; 32; 36; 43; 52] (ср. *кытта* ‘вместе’); *гэннэ* [17, с. 31] (ср. *кэннэ* ‘за, позади’);

3) звонкого шумного **г** вместо звонкого сонорного **ң**: *игиирэ* [17, с. 39] (ср. *иңиир* ‘сухожилие’);

4) увулярного щелевого **ђ** вместо фарингального щелевого **һ**: *тађаарыађым* [17, с. 30]; *тађаарбака* [17, с. 49; 51]; *тађаараа уни* [17, с. 117]; *тађаарбатах* [17, с. 120] (ср. *таһаар* ‘выпускать’);

5) аффрикаты **дь** вместо смычного сонанта **һь**: *суорумдьунан* [17, с. 87] (ср. *суорумһу* ‘посредник’);

6) дрожащего сонанта **р** вместо щелевого сонанта **л**: *сырдьар* [17, с. 32] (ср. *сылдьар* ‘ходит’); *байбал чарабайынан* [17, с. 35] (ср. *байбал чалахайа* ‘водоросли’);

7) фарингального щелевого **һ** вместо переднеязычного щелевого **с**: *һуор* [17, с. 28] (ср. *суор* ‘ворон’); *санааларынан тааһаннар* [17, с. 21] (ср. *санааларынан таайсаннар* ‘сойдясь во мнениях’);

8) глухого переднеязычного смычного **т** вместо звонкого переднеязычного смычного **д**: *тайбаан* [17, с. 88] (ср. *дайбаа* ‘размахивать’); *туңүрдээх* [17, с. 65] (ср. *дүңүр* ‘шаманский бубен’); *хайтах* [17, с. 81] (ср. *хайдах* ‘как, каким образом’);

9) глухого переднеязычного **т** вместо глухого заднеязычного **к**: *истэбин ыабыт* [17, с. 63] (ср. *искэбин ыабыт* ‘метал икру’); *тураңхарбыт* [17, с. 131] (ср. *кураңхар* ‘желать вкусно поесть’);

10) щелелвого **с** и смычного **т** вместо аффрикаты **ч**: *сэпсэки-сэпсэкиitik* [17, с. 52] (ср. *чэпчэки* ‘легкий’); *будьурутту* [17, с. 20] (ср. *будьуруччу* от *будьуруй* ‘кудрявиться’).

В индигирском говоре в отличие от колымского, как отмечает Е. И. Коркина, явление геминизации имеет более размытый характер [9, с. 132]: в анализируемом произведении можно привести единичный случай употребления долгого согласного в интервокальной позиции – *улаххан* [17, с. 37; 103] (ср. *улахан* ‘большой’). **Удвоенные согласные**, широко встречаемые в тексте олонхо, возникают в говоре в результате характерной для него (индигирского говора) регрессивной ассимиляции:

1) удвоенный **кк** – на стыке основы и аффикса с уменьшительно-ласкательным или, наоборот, усилительным значением: *бэккэ* [17, с. 50; 116] (ср. *бэрт* ‘хорошо’-кэ); *күтүөккэм* (ср. *күтүөт* ‘зять’-кэ-(э)м); *эдьииккэм* [17, с. 68] (ср. *эдьий* ‘сестра’-кэ-(э)м); *эдьииккэйим* [17, с. 73] (ср. *эдьий* ‘сестра’-кэй-(и)м);

2) удвоенный **пп** – в середине основы: *чүөппэ* [17, с. 22; 133] (ср. *чүөмпэ* ‘озерцо’); *оппотох* [17, с. 42] (ср. *орпотох* > *ордубатах* > *ордор* ‘оставлять’-батах).

3) удвоенный **сс** – как в середине основы имен существительных, так и на стыке основы и аффикса глагольных форм: *ассыын* [17, с. 16; 42; 81] (ср. *арсыын* ‘аршин’); *куоссунун* [17, с. 38], *куоссуннарын* [17, с. 126] (ср. *куорсун* ‘маховое перо’); *сассыарда* [17, с. 47; 68] (ср. *сарсыарда* ‘утро’); *сассыныгар* [17, с. 68; 118] (ср. *сарсын* ‘завтра’); *бэссиэхпит* [17, с. 68], *бэссибэккин* [17, с. 72; 73] (ср. *бэрсихпит*, *бэрсибэккин* от *бэрис* ‘делиться’); *иңэссийэн* [17, с. 121] (ср. *иңэрсийэн* от *иңэр* ‘впитывать’); *көссөн* [17, с. 43], *көссүбүт* [17, с. 44] (ср. *көрсөн*, *көрсүбүт* от *көрүс* ‘встречаться’); *өлөссүбүт* [17, с. 30; 36; 43], *өлөссө* [17, с. 36] (ср. *өлөрсүбүт*, *өлөрсө* от *өлөр* ‘убить’);

4) удвоенный **тт** – в середине основ, образуется в результате ассимиляции **-т** с сонорными **-й**, **-л**, **-р**: *кэттэгэй* [17, с. 121] (ср. *кэлтэгэй* ‘кособокий’); *куттуйах* [17, с. 103] (ср. *куртуйах* ‘тетерев’); *отто* [17, с. 26] (ср. *орто* ‘средний’); *оттотугар* [17, с. 14], (ср. *ортотугар* ‘

в центре'), *оттотунан* [17, с. 29] (ср. *ортотунан* 'посередине'); *хааттаран* [17, с. 90] (ср. *хаайтаран*: *хаайтар* 'застрывать'-ан);

5) удвоенный **чч** – в середине основы: *хаччы* [17, с. 23] (ср. *харчы* 'деньги');

6) удвоенный **хх** – на стыке основы глагольной формы и аффикса: *таххан* [17, с. 65] (ср. *тахсан*: *табыс* 'выйти'-ан);

Присутствует в олонхо и пример диссимиляции, когда, наоборот, вместо долгого согласного звука в литературном варианте **-тт** стоит **-нт** в середине основы: *төптөрү* [17, с. 29] (ср. *төттөрү* 'противоположный').

Северо-восточная группа говоров отличается явлением **палатализации**. В сравнении с русским языком в якутском смягчение согласных, как правило, происходит под действием гласных переднего ряда. Однако в тексте олонхо можно встретить случай палатализации под действием гласной заднего ряда: *нууучча* [17, с. 33] (ср. *нуучча* 'русский'). Что касается согласных, то аффрикатам **ч** и **дь** свойственно «ассимилировать согласные *с, й, т, р, л*» [22, с. 105]. Чаше палатализации подвергается сонорная **л** независимо от состава гласных в слове, что подтверждается обилием примеров в анализируемом тексте: *альдьахайа* [17, с. 43] (ср. *альдьархай* 'беда, несчастье'); *балчыр* [17, с. 82] (ср. *балчыр* 'поленький'); *быльсиспиккин* [17, с. 84] (ср. *билсиспиккин* от *билис* 'знакомиться'); *быльчынын* [17, с. 55] (ср. *быльчың* 'мышца'); *долгульдүүппуттар* [17, с. 124] (ср. *долгульдүүппуттар* от *долгульдүүй* 'слегка волноваться о поверхности воды'); *ильдьи* [17, с. 97] (ср. *илдьи* 'сильно, в лепешку'); *ильдьиккэ* [17, с. 83] (ср. *илдьит* 'извещение, весть'); *куобальдьыччы* [17, с. 52] (ср. *куобальдьыччы* 'плавно склонившись'); *мэльдьи* [17, с. 98] (ср. *мэльдьи* 'всегда'); *сылдьаңыт* [17, с. 74; 120] (ср. *сылдьаңыт* от *сырыт* 'идти, ходить'); *уольдьаспыккын* [17, с. 83] (ср. *уолдьаспыккын* от *уолдьас* 'довольствоваться'); *үльдүү* [17, с. 50] (ср. *үлдүү* 'без остановки'); *халбалдьыгас* [17, с. 27] (ср. *халбалдьыгас* 'подвижный'); *харальдьык* [17, с. 85] (ср. *харалдьык* 'проталина'). Следует выделить два варианта написания глагола *алдьан* 'ломаться' в тексте олонхо: *альдьаммыт* [17, с. 107] (ср. *альдьаммыт*) и *адьдьатан* [17, с. 66] (ср. *альдьатан*). Показателем частотности ассимиляции **л** последующим **дь**, как справедливо замечает П. П. Барашков, является фиксация параллельного написания буквосочетаний **льдь (дьдь)** С. А. Новгородовым в своем алфавите и **льдь (льль)** Э. К. Пекарским в словаре якутского языка [22, с. 106].

Поскольку в северо-восточном диалекте широко наблюдается **регрессивная ассимиляция**, то, по мнению исследователей, данное явление повлияло на выпадение сонорных согласных **-р, -л** в конце слов [9, с. 186]. Например, в усилительной частице 'очень' *бэт сүрдээх* [17, с. 58] (ср. *бэрт*) и числительном 'четыре': *түөт баҕанабын* [17, с. 45]; *түөт тыһы буучугураһы* [17, с. 49; 52]; *түөт дулба* [17, с. 53]; *түөт хара* [17, с. 59]; *түөт саха* [17, с. 86].

Индигирскому говору свойственно **выпадение согласных** в начале слова: *итириктээх* [17, с. 18] (ср. *титирик* 'молодая лиственница'); *иэндэлээх* [17, с. 35] (ср. *лиэнтэ* 'лента'); *оппуруос* [17, с. 42] (ср. *доппуруос* 'допрос').

Грамматические особенности

Одной из характерных грамматических особенностей северо-восточной группы говоров якутского языка является **архаичная форма с двойным аффиксом множественности** имен существительных, оканчивающихся на сонорные согласные **-л** и **-р**: когда на монгольский аффикс со значением собирательности **-т (-ат)** наращивается широко употребляемый в тюркских языках аффикс множественности **-лар (-тар)**. Например, *атыыраттара* [17, с. 60; 90] (*атыыр* 'оленный бык'-ат-тар-а); *бухатыыраттара* [17, с. 63; 77] (*бухатыыр* 'богатырь'-ат-тар-а); *тумулаттардаах* [17, с. 20] (*тумул* 'мыс'-ат-тар-даах).

Интересную форму в говоре имеет послелог *саба* 'размером с, величиной': *эн сабаачча* [17, с. 36] 'с тебя размером' (*саба* 'размером с'-чча). Такой же аффикс **-чча** встречается в олонхо и в форме имен существительных: *ыабаччытыгар* [17, с. 64] (*ыабас* 'берестяной сосуд'-чча-та-гар); *аңааччыка* [17, с. 24] (*аңаа* 'разновидность лука для стрельбы'-чча-ка). Еще один аффикс,

широко употребляемый в говоре, – уменьшительный аффикс **-чаан**: *дьааһыкчаан* [17, с. 96] (*дьааһык* ‘ящик’-чаан).

Особенностью северо-восточной группы говоров является наличие **сложных слов**, образованные путем стяжения: *истики* [17, с. 91] (*ис диэки* ‘с внутренней стороны’); *тастыкы* [17, с. 91] (ср. *тас диэки* ‘с наружной стороны’); *самаантан* [17, с. 29] (ср. *субу мантан* ‘вот отсюда’).

В тексте олонхо встречаются **стяженные формы глаголов** в преждепрошедшем и прошедшем результативном временах, которые, по материалам проведенных диалектологических экспедиций, характерны для ряда районов республики, включая и районы северо-восточной группы [23]. Как правило, в стяженном виде употребляется положительная форма в основах, оканчивающихся на сонорные **-р** и **-л** [21, с. 309]. Например: *кээлтэ* [17, с. 58] (ср. *кэл* ‘приходить’-бит-э), *өлтөрө* [17, с. 116] (ср. *өл* ‘умереть’-бут-тэр-э). Глагол зрительного восприятия *көр* ‘смотреть’ встречается в произведении в составе глагольной аналитической конструкции и имеет значение ‘сметь, пытаться’: *сөмүйэтин уган көөттө* [17, с. 97] ‘заснул палец’. Как и в других случаях сонорный **-р** ассимилирован следующим за ним глухим смычным **-т** в стяженной форме глагола в преждепрошедшем времени: *көөттө* > *көөр-тө* > *көр-бут-э*. Регрессивная ассимиляция наблюдается и в случае с глаголом *олор* ‘сидеться’: *тэллэхтэригэр олоппуттара* [17, с. 65] ‘посадили на тюфяк’: *олоппуттара* > *олор-то-бут-тар-а*.

Стяженную форму имеют и функционально-служебные глаголы *биэр-*, *кэбис-*, которые выражают результативность действия в сочетании с деепричастиями на **-ан**: *охторон биэттэр* [17, с. 109] ‘уронили’ – *биэттэр* > *биэр-тэр* > *биэр-бит-тэр*; *сабан кээспит* ‘закрыл’, *устан кээспит* ‘снял’ [17, с. 94]; *олордон кээспит* ‘посадил’ [17, с. 54]; *сүтэрэн кээспит* ‘потерял’ [17, с. 120] – *кээспит* > *кэбис-пит*.

Любопытным, на наш взгляд, выступают случаи выпадения аффиксов в середине глаголов: *Ат буола сатаан, сатаан баран* / *Быарынан сыылла*, / *Сыыла сатаан, сатаан баран* / *Сыылбат* *буолла* [17, с. 33] ‘Проползав на четвереньках (как лошадь), / пополз он брюхом, / Проползав так, / Перестал ползти’¹. В литературном варианте данное предложение имеет следующий вид: *Ат буола сатаан, сатаан баран* / *Быарынан сыылынна*, / *Сыылла сатаан, сатаан баран* / *Сыыллыбат* *буолла*. Конструкция с деепричастием на **-ан** в сочетании с *баран*, обозначает, что «действие, выраженное деепричастием, произведено в чрезмерной степени, достигло предела» [20, Т. 8, с. 306–308]. Нас интересуют формы глагола *сыыл* ‘ползать, передвигаться на четвереньках’: *быарынан сыылла* ‘пополз на брюхе’, *сыыла сатаан баран* ‘поползав на брюхе’, *сыылбат* *буолла* ‘перестал ползти’. Во всех трех формах глагола *сыыл* опущены аффиксы (**-ылын-**, **-ын-**): *сыылла* > *сыыл-ылын-на*, *сыыла* > *сыыл-ын-а*, *сыылбат* > *сыыл-ылын-бат*. Опущение аффикса **-ун-** наблюдается и в другом примере: *уулан олоробун?* [17, с. 107] ‘сидишь чахнешь?’ (ср. *уулан* > *уул-ун-ан*); *уула сытыйан олоробун?* [там же] ‘сидишь чахнешь и загниваешь’ (ср. *уулла* > *уул-ун-а*).

Интересным является использование в индигирском говоре второй формы условного наклонения, образуемого с помощью причастия на **-тах**, в значении прошедшего времени повествовательного наклонения: *тахсан көрөн турдабына* [17, с. 32] ‘когда он вышел и смотрел’ (ср. *тахсан көрөн турбута*). Такое использование Е. И. Коркина связывает с тем, что в фольклорных и художественных произведениях писателей раннего периода причастия на **-тах** в форме 3-го лица единственного числа употребляются в значении, «воспринимаемом как прошедшее категоричное время, но только осложненное дополнительным модально-эмоциональным оттенком» [9, с. 144]. Вероятно, использование глагола в значении категоричного времени связано с экспрессивной передачей давнопрошедших событий. Более того, данное время выражает значение совершенного действия известного из таких источников, «объективность которых для говорящего лица не подлежит сомнению, хотя он и не был их очевидцем» [21, с. 309], что является характерным для эпических произведений.

¹ Здесь и далее перевод автора

Лексические особенности

Диалектная лексика якутского языка исторически сложилась в составе устно-разговорного языка, который функционировал до литературного языка [10]. Одним из значимых моментов, который произошел в истории изучения диалектов, как было отмечено выше, является составление Диалектного словаря якутского языка, а также дополнительного тома к нему. При анализе лексических особенностей индигирского говора на материале олонхо «Кётёр Мюлгюн» мы прежде всего обращались к этому фундаментальному труду. Е. И. Коркина выделяет следующие группы диалектных слов: 1) слова, неизвестные в якутском литературном языке в данном значении; 2) диалектные слова, заимствованные из русского языка; 3) слова, заимствованные из языков северных народностей; 4) слова-архаизмы в говоре; 5) семантические диалектные слова [9, с. 149].

Среди диалектных слов, обнаруженных в тексте олонхо, можно выделить слова, относящиеся к первой группе классификации, предложенной Е. И. Коркиной (слова, которые в данном значении ранее неизвестны в якутском литературном языке): *истики* [17, с. 91] (*ис диэки* ‘с внутренней стороны’); *мааһы* [17, с. 98] 1. Абый., Бул., /Пек./ *урукку, өрдөөбү* ‘прежний, давнишний’; Үө. Хал., /Пек./ *били* ‘тот’. [19, с. 153]; *һааһалаах* [17, с. 33] (*һааһа-лаах*) *һааһа* > *һааһа* > *һааһа* > *һааһа* 1. Абый. *һааһа балык, һааһа* (тугун, тугунок); 2. Усуй. *балык кырата* (мелкая рыба) [19, с. 103] (ср. *һааһа* ‘редкий, хорошо просматриваемый (о лесе); четкий, ясный, понятный; чистый, внятный, хорошо слышимый (голос, речь)’ [20, Т. 3, с. 529–530]; *тастыкы* [17, с. 91] (ср. *таст диэки* ‘с наружной стороны’); *тоһоһо* [17, с. 19] 1. Мом. *тоһоһо* ‘пестрый дятел’ [19, с. 242] (ср. ‘позвоночный столб; позвонок, отдельное звено позвоночного столба; сеть, закинутая с берега прямо к середине водоёма’ [20, Т. 10, с. 446–447]; *үөһэс* [17, с. 21] 1. Алл., О. Хал., Өйм., Усуй., Үө. Хал., /Пек./ *үс саастаах атыыр таба* ‘олень-самец трех лет’ [19, с. 269]; (инд., ойм., верх., у.-ян.) ‘трехгодовалый олень, лось-самец’ [9, с. 71]. Выделим также глаголы, образованные от именной основы путем добавления продуктивного в говоре аффикса *-лаа*: *харахалы хаалбыт* [17, 27] *көрө хаалбыт* ‘посмотрел вслед’ (ср. *харах* ‘глаза’-лаа).

Одной из особенностей говора является заимствования из русского языка, большинство из которых полностью адаптированы в фонетическом плане [9, с. 92]. Например, при описании отрицательного персонажа используются следующие заимствования: *Ыт тириитэ ырбаахылаах, / Хахай тириитэ камадиэлкалаах, / ... / Тимир калааныскай ыстааннаах, / ... / Сөрүү түттүт сөртүүктээх, / Хам түттүт хаптааннаах, / ... / Иирэр быллыт иэндэлээх* [17, с. 35] ‘В рубашке из собачьей шкуры, / В камзоле из лвиной шкуры, / ... / В железных голландских штанах, / ... / В сюртуке с запахом, / В кафтане в обтяжку, / ... / С пестрыми лентами’; *Халааныскайын сиэбиттэн / Таас табатыарканы / Тап-тап охсон ылбыт* [там же] ‘Из карманов голландских штанов / Стекланную табакерку, / Постукивая выгатиц’.

Приведем примеры диалектных слов, относящихся к третьей группе диалектных слов по классификации Е. И. Коркиной (заимствованные из языков северных народностей): *мэһиһэ кыла* [17, с. 21] > *мэйиһэ* 1. Верх. *муора арытыгар сайылыыр кыла таба* ‘сибирский северный олень’; 2. Алл., Усуй. *кыла таба үөрэ* ‘стадо диких оленей’ [19, с. 169]; (инд., верх., сакк., у.-ян.) ‘островной дикий олень’ [9, с. 109]; *тыһы эһэрээх* [17, с. 93] самка двухгодовалого медведя > *эһэрээс* О. Хал., Үө. Хал. *икки саастаах эһэ* ‘двухгодовалый медведь, пестун’ [19, с. 323]; *чыһычылаан* [17, с. 116] *күөгүлээ* ‘ловить на удочку’ (ср. *чыһыт* – *күөгү* ‘удочка’ [19, с. 305]).

В тексте олонхо встречаются также слова, употребляющиеся в ином значении, чем в литературном языке: *мэйиһи* [17, с. 52] Абый, Алл., Верх., Кэб., Муома, Ордж., О. Хал., Өйм., Сакк., Сунт., Усуй., Уус-Алд., Үө. Хал., Эдь., /Пек./ *бас, төбө* ‘голова; головка чего-л.; конец чего; верховье реки, речки; вершина; верхушка; наконечник чего’ [19, с. 168] (ср. 1. головной мозг; 2. умственные способности, ум [20, Т. 6, с. 395–396]; *мэнээк* [17, с. 93] 1. Абый., О. Хал., Үө. Хал., /Пек./ *кыла таба* ‘дикий олень’; 2. (х. тыл) О. Хал. *тайах* ‘лось’; 3. /Пек./ *кыла таба үөрэ* ‘стадо диких оленей’ [19, с. 170] (ср. в знач. сущ. ‘переселение, миграция, набег (о животных);

набег, миграция зайцев (соболей) в большом количестве» [20, Т. 6, с. 410–411]). Несомненно, появление диалектной лексики связано с изменением семантического объема слова в языке: например, в случае с лексемой *мэйиш* наблюдается расширение значения, когда видовое значение содержится в литературном языке (головной мозг), в диалекте – родовое (голова); во втором примере – сужение значения, когда, наоборот, лексическая единица *мэнээк* в литературном языке выражает родовое значение (процесс миграции диких животных), а в диалекте содержится лишь сема ‘дикое животное’.

Из слов-архаизмов в тексте можно выделить лексему *хоңхо ыабас* [17, с. 105] – *кураанах ыабас* ‘пустое берестяное ведро’ (*хоңхо* I. *хабарба* (дыхательное горло); II. *эрг. көндөй* ‘уст. пустой’ [20, Т. 13, с. 584]).

Заключение

Проведенный анализ произведения «Кётёр Мюлгюн» яркого представителя северной традиции олонхо Д. М. Слепцова показал наличие богатого диалектного материала. Сохранившиеся в олонхо особенности произношения слов являются подтверждением наличия в северо-восточной группе диалектов таких явлений, как аканье; чередование дифтонгов с долгими гласными в конце двухсложных, трехсложных именных и глагольных основ; в области диалектного консонантизма – чередованием *б-м*; *г-к*; *г-ң*; *б-һ*; *дь-нь*; *р-л*; *һ-с*; *т-д*; *т-к*; *с, т-ч*. Для говора характерны явления геминации, возникающей в результате регрессивной ассимиляции, и палатализации; отмечены случаи выпадения согласных в начале слова.

Одной из характерных грамматических особенностей северо-восточной группы говоров якутского языка являются встречаемые в тексте анализируемого олонхо архаичная форма с двойным аффиксом множественности; употребление аффиксов *-чча*, *-чаан*; сложных слов, которые образованы путем стяжения. Что касается глаголов, то в говоре широко встречаются стяженные формы глаголов в преждепрошедшем и прошедшем результативном временах; стяженные формы функционально-служебных глаголов *биэр-*, *кэбис-*; опущение аффиксов *-ылын-*, *-ын-*, *-ун-* в середине глаголов. Интересным можно выделить использование в индигирском говоре второй формы условного наклонения, образуемого с помощью причастия на *-тах*, в значении прошедшего времени повествовательного наклонения.

В области лексических особенностей были выявлены диалектные слова по пяти группам: 1) слова, неизвестные в якутском литературном языке в данном значении; 2) диалектные слова, заимствованные из русского языка; 3) слова, заимствованные из языков северных народностей; 4) слова-архаизмы в говоре; 5) семантические диалектные слова.

Исследование диалектов якутского языка на материале олонхо сказителей различных школ представляется перспективным направлением и внесет определенный вклад в изучение богатого диалектного материала.

Литература

1. Бётлингк О.Н. *О языке якутов*. Новосибирск: Наука; 1990:646.
2. Худяков И.А. *Краткое описание Верхоянского округа*. Ленинград: Наука; 1969:437.
3. Ястремский С.В. *Грамматика якутского языка*. Иркутск: Изд-во кн. магазина Макушина; 1900:307.
4. Убрятова Е.И. *Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР*. Москва: Изд-во АН СССР; 1960:151.
5. Ксенофонтов Г.В. *Ураанхай-сахалар. Т. 2: очерки по древней истории якутов*. Якутск: Нац. изд-во Респ. Саха (Якутия); 1992:328.
6. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*: в 3-х томах. Москва: АН СССР; 1958–1959.
7. Иванов С.А. *Лексические особенности говоров якутского языка*. Новосибирск: Наука; 2017:390.
8. Иванов С.А. Изучение якутских говоров: итоги и задачи. *Коренные народы Якутии: территориальные и культурные диалекты: сборник научных статей*. Якутск: ИГИ и ПМНС СО РАН; 2018:6–20.
9. Коркина Е.И. *Северо-восточная диалектная зона якутского языка*. Новосибирск: Наука; 1992:267.

10. Воронкин М.С. *Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с лит. яз. и характеристика*. Новосибирск: Наука. Сиб. изд.; 1999:196.
11. Данилова Н.И. Якутская диалектология: основные достижения, проблемы и перспективы. В кн.: Борисова Ю.М. (ред.). *Диалекты в языке и культуре: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции*. Якутск: ИГИ и ПМНС СО РАН; 2024:11–19.
12. Малышева Н.В. Происхождение лексики живой природы: ономазиология и этимология: якутский язык и его диалекты: Дис. ... докт. филол. наук. Москва: 2024:503.
13. Малышева Н.В., Канг Д. Этнолингвистическое описание некоторых диалектных наименований медведя в якутском языке. *Арктика XXI век*. 2025;(1):54–75. <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-54-75>
14. Шамаева А.Е. Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка: Дис.... канд. филол. наук. Якутск: 2012:270.
15. Николаев Е.Р. Семантические особенности диалектной лексики олонхо М. Е. Новикова – Мэлэх Мэхээлэ «Дуолан Баай Тойон, Арбас Баай Хотун». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024;17(7):2182–2189. <https://doi.org/10.30853/phil20240312>.
16. Турантаева Н.В., Малышева Н.В. О некоторых монголизмах в диалектной лексике якутского языка (на материале языка олонхо). *Эпосоведение*. 2025; 2(38):117–136. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-2-117-136>
17. Илларионов В.В. (ред.) *Муома олонхолоро*. Дьокуускай: Бичик; 2004:14–137 (на якутском яз.).
18. Корякина А.Ф. Эпические традиции и особенности в сюжетной структуре олонхо Д. М. Слепцова «Кётёр Мюлгюн». *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение*. 2016;3(03):44–48.
19. Афанасьев П.С., Воронкин М.С., Алексеев М.П. *Диалектологический словарь якутского языка = Саха тылын диалектологическай тылдьыта: содержит свыше 8500 слов*. Москва: Наука; 1976:391.
20. Слепцов П.А. (ред.) *Большой толковый словарь якутского языка*. В 15 т. Т. 1; Т.3; Т. 6; Т.8; Т. 10; Т. 13. Новосибирск: Наука; 2004:679 (Т. 1); 2006:852 (Т. 3); 2009:518 (Т. 6); 2011:570 (Т. 8); 2013:572 (Т. 10); 2016:638 (Т. 13).
21. Харитонов Л.Н., Дьячковский Н.Д., Иванов С.А. и др. (ред.) *Грамматика современного якутского литературного языка*: в 2 томах. Т. 1: Фонетика и морфология. Москва: Наука; 1982:495.
22. Барашков П.П. *Фонетические особенности говоров якутского языка: сравнительно-исторический очерк*. Якутск: Якутское книжное изд-во; 1985:182.
23. Ефремов Н.Н. Синтаксические конструкции в олонхо «Сын грозного неба Эр Соготох». *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение*. 2019;4(16):99–107. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2019.16.44320>

References

1. Betlingk ON. *On the language of the Yakuts*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1990:644 (in Russian).
2. Khudyakov IA. *A brief description of the Verkhoyansk District*. Leningrad: Nauka Publ.; 1969:437 (in Russian).
3. Yastremskiy SV. *Grammar of the Yakut language*. Irkutsk: Publ. House of books Makushin's store; 1900:307 (in Russian).
4. Ubryatova EI. *Experience in the comparative study of the phonetic features of the language of the population of some districts of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic*. Moscow: Publ. House of the USSR Academy of Sciences; 1960:151 (in Russian).
5. Ksenofontov GV. *Uranghai-Yakutia. In 2 volumes: Essays on the ancient history of the Yakuts*. Yakutsk: National Publ. House of the Republic Sakha (Yakutia); 1992:328 (in Russian).
6. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut Language*. In 3 vols. Leningrad: USSR Academy of Sciences; 1958–1959.
7. Ivanov SA. *Lexical features of the Yakut dialects*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2017:390 (in Russian).
8. Ivanov SA. Study of Yakut dialects: results and tasks. In: *Indigenous Peoples of Yakutia: Territorial and Cultural Dialects: Collection of Scientific Articles*. Yakutsk: Publ. House of the IHRIPN of the SB RAS; 2018:6–2 (in Russian).

9. Korkina EI. *The Northeastern dialect zone of the Yakut language*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1992:267 (in Russian).
10. Voronkin MS. *The dialect system of the Sakha language: formation, interaction with the literary language, and characteristics*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1999:196 (in Russian).
11. Danilova NI. Yakut dialectology: main achievements, problems, and prospects. In: Borisova JM. (ed.) *Dialects in language and culture: collection of scientific articles of the scientific and practical conference*. Yakutsk: Publ. House of the IHRIPN of the SB RAS; 2024:11–19 (in Russian).
12. Malysheva NV. Origin of the vocabulary of living nature: onomasiology and etymology (the Yakut language and its dialects). Doctor's dissertation (Philology). Moscow: 2024:503 (in Russian).
13. Malysheva NV, Kang D. Ethnolinguistic description of some dialect names of bear in the Yakut language. *Arctic XXI century*. 2025;(1):54–75. (in Russian) <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-54-75>
14. Shamaeva AE. Mongolic parallels in the dialect lexicon of the Yakut language. Candidate's dissertation (Philology). Yakutsk: 2012:270 (in Russian).
15. Nikolaev ER. Semantic features of the dialect vocabulary of the olonkho 'Дуолан Баай Тойон, Арҕас Баай Хотун' by M. E. Novikov – Melekh Mekheele. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2024; 17(7):2182–2189 (in Russian). <https://doi.org/10.30853/phil20240312>
16. Turantaeva NV., Malysheva NV. On certain Mongolic loanword in the dialectal lexicon of the Yakut language (based on the language of olonkho). *Eposovedenie*. 2025;2(38):117–136. (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-2-117-136>
17. Illarionov VV. (ed.) *Olonkho of Moma*. Yakutsk: Bichik Publ.; 2004:14–137 (in Yakut).
18. Koryakina AF. Epic traditions and peculiarities in the “Kyotyor Myulgyun” olonkho by D. M. Sleptsov. *Vestnik of the North-Eastern Federal University: Eposovedenie*. 2016;3(03):44–48 (in Russian).
19. Afanasyev PS., Voronkin MS., Alekseyev MP. *Dialectological Dictionary of the Yakut Language = Sakha Tylyn Dialektologicheskay Tyldyta: contains over 8500 words*. Moscow: Nauka publ.; 1976:391 (in Yakut).
20. Sleptsov PA. (ed.) *Comprehensive Explanatory Dictionary of the Yakut Language*. In 15 vols. Vol. 1; vol. 3; vol. 6; vol. 8; vol. 10; vol. 13. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2004:679 (vol. 1); 2006:852 (vol. 3); 2009:518 (vol. 6); 2011:570 (vol. 8); 2013:572 (vol. 10); 2016:638 (vol. 13) (in Yakut).
21. Kharitonova LN, Dyachkovsky ND, Ivanov SN (eds.) *Grammar of the modern Yakut literary language: in 2 volumes*. Vol. 1: Phonetics and morphology. Moscow: Nauka Publ., 1982:495 (in Russian).
22. Barashkov PP. *Phonetic features of the Yakut dialects: a comparative and historical study*. Yakutsk: Yakutsk Book Publ.House; 1985:182 (in Russian).
23. Efremov NN. Syntactic constructions in olonkho Son of the lour Er Sogotokh. *Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov: Eposovedenie*. 2019;4(16):99–107 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/SVFU.2019.16.44320>

Сведения об авторе

Андросова Фекла Семеновна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра «Иностранные языки по гуманитарным специальностям», Институт зарубежной филологии и регионоведения, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова», ORCID 0000-0001-9432-4601, e-mail: afs.77@mail.ru

About the Author

Fekla S. Androsova, Cand. Sci (Philology), Associate Professor, Chair “Foreign languages in the humanities”, Institute of Modern Languages and Regional Studies, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, ORCID 0000-0001-9432-4601, e-mail: afs.77@mail.ru

Конфликт интересов/Conflict of interests

Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 10.10.2025

Поступила после рецензирования / Revised 05.11.2025

Принята к публикации / Accepted 16.12.2025